

извлеченными, например, из перевода книги А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление».⁶²

Что касается третьего перевода Новосильцевой из Беранже («Plus de vers»), то он был опубликован ею за подписью «Т. Толычева» лишь в мартовской книжке журнала «Полярная звезда» за 1881 год (с. 108). Отсутствие автографа не позволяет судить, была ли учтена еще какая-либо правка Фета, помимо стихов 5–6, за которые она благодарила поэта в письме.

Не петь уж мне!..
(Из Беранже)

Не петь уж мне, хоть не остыл душою,
Но дар святой в разладе с стариком,
По пальцам стих размеренный порою
Стройней ростом под школьничьим пером.
Когда, глядя на небо голубое,
Я вслух мечтал, а лес глухой чернел,
Мне прозой эхо вторило лесное,
Не хочет Бог, чтобы я больше пел.

Не хочет Бог! Но ищет зорким оком
Поселянин осеннею порой
В пустых садах, на дереве высоком
Забывший им при сборе плод златой;
Ищу и я, но дерево бессильно,
Под хладом зим уж корень омертвел,
В корзину плод не падает обильно...
Не хочет Бог, чтобы я больше пел.

Не хочет Бог! но слышу благосклонный
К народу глас Он обращает свой:
«Возвысь чело! права твои законны,
И ты венца наследник предо мной!»
Он рек, — я внял. И чуя в сердце радость,
Тогда тебе вещать уж я хотел,
Народ-Дофин, всю милосердья сладость...
Не хочет Бог, чтобы я больше пел.

⁶² См.: Фет А. А. Соч. и письма. Т. 5. Кн. 2. С. 98–100.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-44-49

© И. А. КУЗЬМИНА

О ДАТИРОВКЕ ФОТОПОРТРЕТА А. А. ФЕТА РАБОТЫ М. Б. ТУЛИНОВА

Иконография Фета — тема малоисследованная, что в полной мере касается и фотографических изображений поэта. Одна из проблем заключается в том, что за неимением необходимой информации фотографии датируются весьма приблизительно, иногда и вовсе условно, без всякой связи с конкретными биографическими фактами. Фотографический портрет Фета визитного

формата, выполненный в ателье известного мастера М. Б. Тулинова (1823–1889), обычно относят к 1861–1863 годам, но выявленные источники позволяют дать более точную датировку.

Деятельность Тулинова в качестве самостоятельного фотографа началась в Петербурге, где на Невском проспекте около года существовало его совместное с двумя другими владельцами ателье, затем он купил в Москве фотографическое заведение С. Зимулина. Т. Н. Шипова, автор исключительно ценного исследования о московских фотографах, цитирует рубрику под названием «Московская летопись» из газеты «Санкт-Петербургские ведомости» от 15 ноября 1861 года, извещавшую о начале работы Тулинова на новом месте: «На днях открыта в Москве новая фотография г. Тулинова, художника, работающего превосходно и дешево. Читатель знает, что я враг всяких реклам, и следовательно поймет, что если я ему рекомендую г. Тулинова, то именно потому, что он действительно чрезвычайно добросовестно исполняет свою обязанность перед публикой. / Фотография г. Тулинова находится на Кузнецком Мосту в доме Тверского подворья».¹

В музейной коллекции Пушкинского Дома тулиновский портрет Фета представлен двумя экземплярами. Один из них примечателен тем, что имеет на обороте дарственную надпись, снабженную точной датой:

«Молодому
художнику
Николаю Семеновичу
Мосолову
от заштатного
А. Фет.
28 декабря
1862 года.
Москва».²

Штамп на лицевой стороне фирменного бланка: «Фотография Тулинова».

Штамп на обороте: «ФОТОГРАФИЯ ТУЛИНОВА / на Кузнецк. мост. д. Тверск. Подворья / МОСКВА».

Итак, московское ателье Тулинова открылось в 1861 году, примерно в начале ноября, а карточка Фета была надписана в декабре следующего года. Эти факты сами по себе дают основание сузить рамки существующей датировки. И есть убедительные свидетельства родственников поэта относительно того, когда именно он фотографировался. Так, 30 декабря 1862 года Надежда Афанасьевна Борисова писала в Москву брату Фету (в ответ на его письмо, не сохранившееся): «Если портреты твои удадутся — сделай милость, один мне...».³ М. П. Фет в письме к своему брату, М. П. Боткину, от 21 февраля 1863 года также упоминает фотографию мужа: «Посылаю тебе его карточку, очень похожа, он снял ее нынешней зимой после своей болезни. Свою карточку я не сделала...».⁴ Правда, приведенные источники не называют фамилии фотографа, но кажется маловероятным, что Фет снимался тогда не у Тулинова.

¹ Шипова Т. Н. Московские фотографы. 1839–1930: История московской фотографии. М., 2012. С. 350–351.

² ИРЛИ. Инв. 21909. Сообщение об этом снимке содержится в обзоре Е. М. Аксененко: Материалы А. А. Фета в Пушкинском Доме // А. А. Фет: Материалы и исследования / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. М.: СПб., 2010. Вып. 1. С. 515.

³ ИРЛИ. № 20272. Л. 55 об. См. также: Письма И. П. Борисова и Н. А. Борисовой к А. А. Фету и М. П. Фет. Ч. II: 1862–1865 / Публ. И. А. Кузьминой // А. А. Фет: Материалы и исследования / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. СПб., 2013. Вып. 2. С. 261.

⁴ ИРЛИ. Ф. 365. Оп. 1. № 128. Л. 4.

Начиная с осени 1860 года Феты постоянно жили в Орловской губернии, в собственном имении, однако зимой обычно на несколько месяцев переезжали в Москву и гостили у родственников Марии Петровны. Зима 1862–1863 годов не стала исключением, хотя оказалась трудной. Началась она с несчастья: уже на следующий день после приезда в Москву, 8 ноября 1862 года, Фет повредил себе руку. Как это произошло, подробно описано в письме поэта к В. П. Боткину от 17 ноября и в его воспоминаниях. Феты остановились тогда в усадьбе Боткиных на Маросейке, во флигеле, связанном с большим домом узким переходом полуподвального этажа. Вечером, торопясь к себе по этому переходу, Фет случайно открыл дверь, ведущую на улицу, «и на всем ходу вылетел на мерзлый двор, сильно зашиб голову и свихнул левую руку».⁵ Утром следующего дня хирург И. Н. Новацкий наложил на поврежденную руку гипс.⁶ В воспоминаниях Фет утверждает, что через три недели от вывиха не осталось и следа,⁷ тогда как на самом деле последствия падения давали себя знать гораздо дольше, вдобавок за травмой последовали болезни.

Мария Петровна, перечисляя в своем письме к брату Михаилу многочисленные недуги, мучившие ее мужа в Москве, сообщает более свежие, по сравнению с воспоминаниями Фета, а значит, вероятно, и более точные сведения: «Зимой мы ездили в Москву, т. е. в ноябре поехали 6 чис<ла> и 4 февраля выехали. Ровно пробыли там три месяца. Гостили мы все время на Маросейке во флигеле. Все бы было отлично, все были с нами ужасно милы и любезны; но Фет все время был болен. На другой день нашего приезда Фет, переходя из большого дома во флигель, ошибся дверью и упал с лестницы, расшиб себе левую руку и шесть недель был <с> подвязанной рукой. Страдал он много с этой рукой, потом так страшно стал терять геморройной крови, что с ним стали делаться беспрестанные обмороки, так ослаб от потери крови, что просто беда! Долго не могли ее остановить, однако после разных усиленных лекарств она остановилась. Потом привязалась к нему лихорадка, так что он поехал в деревню едва только поправившийся<ся> от всех этих болезней. Фет так переменялся, что все говорили одно: „надо ехать Вам за границу“».⁸

Проживавший близ Мценска зять Фета Иван Петрович Борисов, к которому супружеская чета в феврале 1863 года заехала по дороге домой в Степановку, был поражен видом друга. «На первых днях Масленицы неожиданно сам увидал ранним утром, как из-за березняка подвигалась почтовая повозка тройкой, и, рассматривая барахтанье тонувших в снегу пристяжных, по высунувшейся бороде узнал Фета. Но когда занес руки объять его, то испугался — передо мною стояла тень прежнего — восковое, прозрачное, бескровное тело — мутный взгляд»,⁹ — писал он впоследствии Тургеневу.

Как видим, Фет прохворал всю зиму, что не помешало ему около 20-х чисел декабря 1862 года посетить относительно недавно открытое, но ставшее уже популярным фотографическое заведение Тулинова. Характерная для того времени мода на «визитные» портреты, которыми было принято обмениваться с друзьями и родственниками, побудила и Фета запастись собственными изображениями. И вопреки всему карточки вышли удачными, мастерство фотографа и небольшой формат фотографии сгладили следы перенесенной болезни.

⁵ Переписка А. А. Фета с В. П. Боткиным. 1857–1869 / Вступ. статья, публ. и комм. Ю. П. Благовоиной // Лит. наследство. 2008. Т. 103. Кн. 1. С. 325.

⁶ Фет А. А. Мои воспоминания: [В 2 ч.]. 1848–1889. М., 1890. Ч. 1. С. 358.

⁷ Там же.

⁸ ИРЛИ. Ф. 365. Оп. 1. № 128. Л. 3–3 об.

⁹ <Письма И. С. Тургеневу> И. П. Борисова / Публ. Е. М. Хмелевской // Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Л., 1968. Вып. 4. С. 372.

А теперь перейдем ко второму экземпляру тулиновского портрета из фондов ИРЛИ.¹⁰ От рассмотренного выше он отличается не только отсутствием дарственной надписи, но и фирменным бланком, на обеих сторонах которого отпечатано: «Фотография художника (курсив наш. — И. К.) Тулинова». Адрес остается прежним: дом Тверского подворья на Кузнецком Мосту.

Прослеживая изменения в оформлении продукции Тулинова, происходившие на протяжении всего периода существования его заведения, Т. Н. Шипова утверждает: «Московские портреты, выполненные Михаилом Тулиновым в 1861–1863 гг., легко определить по текстам на фирменных бланках. Под изображением по полю бланка есть надпись: „Фотография Тулинова“ (возможно и отсутствие текста); на обороте: „Фотография Тулинова. На Кузнецк. мост., д. Тверск. подворья. Москва“».¹¹

Заметим, что это описание полностью соответствует фирменному бланку первого экземпляра фотографии (с дарственной надписью).

Далее в монографии Т. Н. Шиповой говорится: «В ноябре 1863 г. М. Б. Тулинов получил аттестат Академии художеств. После уплаты пошлины за содержание ателье обер-полицмейстер выдал „содержателю фотографии свободному художнику Михаилу Борисовичу Тулинову билет № 122“. С получением аттестата мастер приобретал право внести слово „художник“ в вывеску своего заведения и в бланки фотографии. На лицевой стороне бланков 1864 г. под портретом было написано: „Фотография художника Тулинова“, на обороте: „Фотография художника Тулинова на Кузнецк. мост., д. Тверск. подворья. Москва“. Бланки 1864 г., как и бланки предыдущих лет, довольно редки».¹²

А это уже описание бланка второго портрета Фета из фондов ИРЛИ.

Следующее изменение бланка отражает новый этап в деятельности Тулинова. «В течение 1864 г. М. Б. Тулинов был фотографом Императорского Русского общества акклиматизации животных и растений, выполнял задания на территории Московского зоологического сада», за что был пожалован правом помещать на вывеске и фирменных бланках государственный герб.¹³ В 1865 году он оборудовал на территории Зоологического сада второе ателье, которое функционировало уже в августе. «С августа (возможно, чуть позже) тулиновские бланки стали издаваться в нескольких вариантах: с изображением государственного герба и с адресами на Кузнецком мосту и в Зоологическом саду».¹⁴

Приведенные Т. Н. Шиповой сведения позволяют ограничить датировку второго экземпляра 1864–1865 годами, так как на его бланке нет ни адреса филиала в Зоологическом саду, ни герба. Подробно изученная иконография Тургенева знает примеры, когда с давней фотографии делались дополнительные отпечатки, порой даже в другом ателье.¹⁵ Видимо, нечто подобное произошло и в данном случае. Фет считал снимки Тулинова удачными и, когда они были раздарены, не стал фотографироваться заново, а просто заказал еще несколько копий у того же мастера.

Отчасти благодаря дополнительным копиям тулиновская визитка является наиболее распространенной фотографией поэта, в архивных собраниях она встречается чаще других. Еще два снимка, Ф.-Г. Мёбиуса и А. И. Денъера,

¹⁰ ИРЛИ. Инв. 23239/26. Опубликовано: *Фет А. А. Собр. соч. и писем*: В 20 т. СПб., 2007. Т. 4. Фронтиспис.

¹¹ Шипова Т. Н. Московские фотографии. С. 352.

¹² Там же. С. 353.

¹³ Там же. С. 354–355.

¹⁴ Там же. С. 355.

¹⁵ См., например: *Waddington P. A Catalogue of Portraits of Ivan Sergeyevich Turgenev (1818–83)*. Pinehaven, 1999. P. 13.

хронологически близки к тулиновскому: первый условно датируется 1859–1861 годами (известен парный к нему снимок М. П. Фет), второй, по всей вероятности, относится к 1859 году.¹⁶ Итак, можно с уверенностью говорить о том, что фотография, сделанная в ателье М. Б. Тулинова и имеющая на обороте дарственную надпись «молодому художнику» Н. С. Мосолову, датируется декабрем 1862 года.

В заключение скажем несколько слов о художнике, которому 28 декабря 1862 года Фет подарил свою карточку. Николай Семенович Мосолов (1846–1914) был потомком известных коллекционеров, что предопределило его судьбу. Родовым гнездом дворян Мосоловых с XVIII века было имение Жерновка Каширского уезда Тульской губернии. Дед художника, тоже Николай Семенович, по некоторым данным, участник сражений под Бородином и Малоярославцем, имел в Жерновке небольшое, но ценное собрание картин старых мастеров итальянской, фламандской и голландской школ. У его единственного сына, Семена Николаевича Мосолова (1812–1880), были свои пристрастия в искусстве; обладая значительным состоянием, он всю жизнь пополнял коллекцию офортов Рембрандта. Портреты обоих Мосоловых, написанные О. А. Кипренским (1811) и В. А. Тропининым (1836), хранятся в Третьяковской галерее. Воспитанный в такой среде, Н. С. Мосолов-младший с детских лет рисовал и гравировал, став со временем одним из лучших офортистов XIX века. Гравировал он большей частью работы старых мастеров, отдавая предпочтение Рембрандту, любовь к которому унаследовал от отца. В деле коллекционирования он также пошел по стопам отца, составив уникальное для России собрание гравюр и рисунков Рембрандта и других мастеров голландской школы.¹⁷ Всю свою коллекцию Мосолов завещал Румянцевскому музею (ныне находится в гравюрном кабинете ГМИИ имени А. С. Пушкина).

В конце 1862 года Мосолов был в самом начале своего творческого пути, хотя добился уже первых успехов: за одну из копий с офортов Рембрандта Академия художеств наградила его малой серебряной медалью. О том, когда и при каких обстоятельствах состоялось его знакомство с Фетом, сведений нет. Мы можем лишь предполагать, что это произошло в конце 1850-х годов, когда его отец приобрел у наследников своего дяди, Ф. С. Мосолова, усадьбу на Большой Лубянке и переселился из Тульской губернии в Москву.¹⁸

¹⁶ Снимок Фета работы петербургского фотографа Денъера известен только по литографии П. Ф. Бореля и сделан специально для «Портретной галереи русских литераторов, журналистов, художников и других замечательных людей», изданной в 1859–1860 годах А. Э. Мюнстером. В объявлении, помещенном в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1859. 18 дек. № 276. С. 1234), Мюнстер, обещая продолжить начатое дело, сообщает: «Мы уже запаслись достаточным количеством материалов вперед, так что можем указать довольно определенно на содержание будущих тетрадей „Портретной галереи“...». Далее следует длинный список лиц, портреты которых уже находились в распоряжении издателя. Фет в этом списке назван, что дает основание предполагать, что он снимался у Денъера не позднее 1859 года. Портрет Фета вышел в 1860 году в составе 17-й тетради «Портретной галереи» (ценз. разр. 17 августа 1860 года).

¹⁷ См. подробнее: *Шайкевич С. С.* Н. С. Мосолов. Очерк его художественной деятельности, с приложением каталога всех его произведений // *Вестник изящных искусств*, изданный при Императорской Академии художеств. СПб., 1885. Т. 3. С. 130–139. Следует назвать также мемуары соседки Мосоловых по имени писательницы С. В. Энгельгардт, близко знавшей Н. С. Мосолова-старшего и его сына (*Энгельгардт С. В.* Из воспоминаний // *Русский вестник*. 1887. Т. 193. № 11. С. 160–166).

¹⁸ *Романюк С. К.* Сердце Москвы. От Кремля до Белого города. М., 2013. С. 688. О знакомстве Фета с С. Н. Мосоловым свидетельствуют следующие строки из письма В. П. Боткина от 30 ноября 1863 года: «Уведомь меня, сколько примерно весу в ящике с двумя рисунками, который доставлен Щукиным, и где он лежит. Если не представит большого затруднения, — то посмотри эти рисунки и покажи Мосолову» (Переписка А. А. Фета с В. П. Боткиным. С. 364).

Что кроется за шуточным эпитетом «заштатный», которым охарактеризовал себя Фет, подписывая собственную фотографию? Несколько лет назад поэт пришел к убеждению, что ему нет больше места в мире профессиональных литераторов. Он купил хутор в степной глуши Орловской губернии и погрузился в сельское хозяйство. Вопреки принятому было решению ничего не писать и не печатать, литературные занятия он полностью не оставил, но поэзия на длительное время перестала быть главным делом его жизни.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-49-55

© А. Г. ГРОДЕЦКАЯ

«О СВОИХ СТИХАХ... КАК О ЧЕМ-ТО ПОСТОРОННЕМ»: ПОЭЗИЯ ФЕТА В МЕМУАРНОЙ ПРОЗЕ «РАННИХ ГОДОВ МОЕЙ ЖИЗНИ»

Прочитав главы «Моих воспоминаний» в журнальной публикации, Я. П. Полонский с недоумением писал автору: «...я был уверен, что я пойму или, лучше сказать, подгляжу, откуда выбился наружу и какими извилинами потек источник твоей лирики? <...> Но... ты <...> знакомишь себя с публикой как улан — или военный. <...> Ты тут просто хороший человек и честный служака, и о своих стихах говоришь ты вскользь, как о чем-то постороннем».¹

Нельзя не признать справедливости этого замечания. И в «Ранних годах моей жизни», третьей мемуарной книге Фета, в ее «кирасирской» части, мемуарист прежде всего и преимущественно предстает, перефразируя фетовского корреспондента, как кирасир — или военный. Рассказ о трехлетней службе в 1853–1856 годах в лейб-гвардии уланском полку вошел в I–V главы первой части «Моих воспоминаний», в кирасирах Фет прослужил долгие восемь лет, чему посвящена значительная часть «Ранних годов моей жизни» (главы XXXII–LXVII). Из трех мемуарных книг, как отметил А. Е. Тархов, «можно выделить объемистый том, который будет целиком занят историей фетовского „военного поприща“. Эта эпоха сформировала из юного поэта зрелого мужа, оформила весь облик Фета — с тем его парадоксальным сочетанием „практика“ и „поэта“, „рациональности“ и „интуитивности“, которое так изумляло всегда близко знавших его людей».² Заслуживает напоминания и свидетельство Н. Н. Страхова, близко знавшего Фета в поздние годы: «...на Афанасии Афанасьевиче до конца были ясно видны два отпечатка: старого помещичьего быта, с его тонкою общительностью и изяществом жизни, и военной службы николаевских времен, с ее строгим пониманием власти и обязанности».³

О «кирасирской» части воспоминаний Фета ниже и пойдет речь. В апреле 1845 года, по окончании словесного отделения Московского университета, он поступает вольноопределяющимся в кирасирский Военного Ордена полк, один из армейских (не гвардейских) полков резервной российской кавалерии,

¹ Фет А. А. Переписка с Я. П. Полонским. 1846–1892 // Лит. наследство. 2008. Т. 103. А. А. Фет и его литературное окружение. Кн. 1. С. 670 (письмо от 14 августа 1888 года).

² Тархов А. Е. «Музыка груди» (О жизни и поэзии Афанасия Фета) // Фет А. А. Соч.: В 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 23.

³ Страхов Н. Н. Литературная критика: Сб. статей. СПб., 2000. С. 418.